

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00354 (<https://rscf.ru/project/22-18-00354/>) в Национальном исследовательском Московском государственном строительном университете /

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 22-18-00354 (<https://rscf.ru/project/22-18-00354/>) at the National Research Moscow State University of Civil Engineering

На основе натурных исследований, данных историографии и материалов, публиковавшихся русскими и турецкими археологами, рассматриваются особенности устройства и расположения в жилищах тони́ров и каминов – основных типов очагов, открытых на городище. Выявленные прототипы и аналоги позволили сделать выводы об устойчивости этих типов в культуре Ближнего и Среднего Востока, а также поставить вопросы об источниках происхождения анийских каминов и выдвинуть гипотезу, что можно говорить о наметившемся процессе перехода сакральных очагов в сферу домашнего обихода.

Ключевые слова: городище Ани; камины; тониры; очаг; средневековое жилище. /

Based on field studies, historiographical data and materials published by Russian and Turkish archaeologists, the article studies the peculiarities of arrangement and location of tonirs and fireplaces – the main types of hearths discovered in dwellings of the ancient settlement. The revealed prototypes and analogues allowed to draw conclusions about the stability of these types in the culture of the Near and Middle East, as well as to raise questions about the sources of origin of Ani fireplaces and to put forward a hypothesis that it is possible to speak about the outlined process of transition of sacral hearths into the sphere of households.

Keywords: Ani settlement; fireplaces; tonirs; hearth; medieval dwelling.

Очаг в средневековом жилище Ани / The hearth in the medieval dwelling of Ani

текст

Ольга Баева

Научно-исследовательский Московский государственный строительный университет

text

Olga Baeva

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Большая часть средневекового армянского города Ани сегодня скрыта под землей, а раскопки со значительными перерывами ведутся более ста лет. Он представляет интересные возможности для изучения архитектуры и материальной культуры, развивавшихся на стыке христианской и мусульманской цивилизаций [1]. Жилище Ани претерпевало изменения на протяжении существования города и в отдельные периоды истории находилось под влиянием разных культур, привносимых завоевателями или соседними народами (об этом, основываясь на данных археологии и историографии, мы уже писали в наших исследованиях [2]). Однако в интерьерах домов обнаруживаются устойчивые элементы, которые сохраняли свое значение не только в эпоху анийской истории, но их аналоги можно обнаружить и в XX в. на обширных территориях Ближнего и Среднего Востока. Это, прежде всего, ниши, украшавшие жилища и выполнявшие разные функции, а также тониры (тондиры, тандыры) и пристенные камины. Об этих объектах упоминали участники первых анийских археологических экспедиций [3], отмечая их непереносное наличие в жилищах. Так, Н. Я. Марр писал, что «после тондира или местного очага в виде зарытого в землю глиняного кувшина и рядом с камином, общей для всех жилых домов принадлежностью являются маленькие ниши <...>» [4, с. 106]. Турецкие археологи, приступившие к раскопкам Ани после десятилетий перерыва, также указывали на факт их существования [5; 6]. Однако подробного изучения этих атрибутов жилища не проводилось. Поскольку данный материал достаточно обширный, представляется целесообразным в дальнейшем посвятить нишам отдельную публикацию.

Целью данной статьи является изучение выявленных в Ани тони́ров, а также встроенных в стену каминов с описанием их типичного расположения и облика. Материалом служили натурные исследования городища с фотофиксацией объектов, обмерами и зарисовками. В своей работе мы также опирались на сообщения археологов и архитекторов об анийских объектах и аналогах в других средневековых поселениях и на целый пласт этнографических исследований жилища, проводившихся с конца XIX в.

Камины, близкие к анийским, были обнаружены Хорезмской экспедицией. Вопросы их функций в интерьере и культового значения поднимались ведущими исследователями этой культуры, о чем будет сказано ниже. Подобные камины и тониры были распространены в жилищах Ближнего и Среднего Востока в эпохи Нового и Новейшего времени, хотя, важно отметить, что первые использовались армянами не во всех исторических областях¹. Сведения, представленные в работах С. Д. Лисициана [7], З. В. Харатьяна [8], А. Т. Муратяна [9] и некоторых других авторов, исследовавших армянское народное жилище, дают весьма ценные аналогии для понимания функции и духовного значения изучаемых нами объектов. Несмотря на значительный временной разрыв и известную разницу в традициях организации жилища, основополагающие его принципы и элементы интерьера на Ближнем и Среднем Востоке были достаточно устойчивыми. В отопительных системах и очагах этого культурного ареала существовали типы, которые незначительно менялись на протяжении веков.

Известно, что главным элементом традиционного жилища являлся очаг, который обычно располагался в его центре. По мере развития материальной культуры устройство очага усложняется и появляются камины, печи, различные варианты тони́ров, переносных жаровен и т. д., что, впрочем, не отменило использования и самого простого его варианта.

Жилища первого периода расцвета Ани, который начался после провозглашения его столицей в 961 году, практически не сохранились и они мало доступны для изучения, даже с учетом сведений, опубликованных археологами [2].

Остатки всего трех жилых домов², открытых сейчас в Ани, относятся преимущественно ко второму периоду расцвета города, пришедшему на конец XII – XIII вв. Турецкие археологи считают, что они были построены в промежутке между концом XI – концом XII в. [10, с. 131], делая попытку датировать их периодом между эпохами расцвета, на время владычества мусульманских правителей.

Два из открытых раскопками дома (Дом II и Дом III) расположены в квартале напротив мечети Мануче,

1. В каких-то районах они стали новшеством в XIX в. Например, в областях, близких к Ирану, как свидетельствует С. Д. Лисициан, в начале XX в. старики утверждали, что камин в комнате (в так называемом «внешнем доме») является нововведением, хотя сами они уже не застали домов без него [7, с. 127].

2. Помимо этих жилых домов, также открыт и даже воссоздан в основном объеме так называемый Дворец парона, но с точки зрения нашей темы он мало информативен.

^ Рис. 2. Вид Дома II и мечети Мануче со спутника

^ Рис. 1. Ани. Тонир в торговых рядах на центральной улице. Фото автора. 2023

что позволяет предполагать их принадлежность мусульманам. Такое мнение высказала Б. Карамагарали [10], открывшая этот квартал. Дом I находится на территории Нового города между собором и баней. Б. Карамагарали указывает, что там найден хачкар [11, с. 311], однако не уточняет, как и где он располагался.

Таким образом, необходимо отметить, что натурный материал ограничен преимущественно артефактами последних эпох жизни Ани. Однако все дошедшие до нас свидетельства материальной культуры говорят о том, что здесь самыми распространенными формами очага были тониры и камины, и можно предполагать устойчивое существование этих основных форм на протяжении длительного времени. Из записей Н. Я. Марра известно, что тониры и камины часто встречались в жилищах. При этом он не отметил такой закономерности, как преимущественное распространение последних в мусульманском жилище. Этот факт считаем важным, поскольку у нас нет точных данных о том, когда камины появились в Ани и были ли они до завоевания города сельджуками в 1064 году, в отличие от тонириров, об обнаружении которых в культурных слоях ранних эпох писал Н. Я. Марр. Например, что в приспособленном в позднюю эпоху жилищем помещении «откопали очаг и над ним камин. И здесь обозначились слои различных эпох анийской жизни. Когда был снят камин и разобран защищавший им очаг, под очагом оказались черепа, в свою очередь, лежавшие на засыпанном древнем тондире <...>» [4, с. 12]. Далее он пишет, что «всю культуру позднейшей эпохи прозябания» называет «тондирной», поскольку в перестроенных жилищах с «жалкими комнатками» неизменно находили «глиняную печь с дымовою гончарною трубой» [4, с. 119]. Таким образом, не вызывает сомнений, что используемые анийцами для приготовления пищи и отопления тониры производились на всем протяжении существования города, поскольку срок их службы относительно короткий.

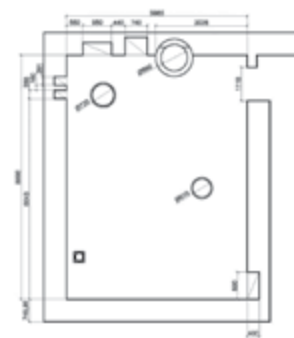
Глиняных тонириров, врытых в землю ниже уровня пола или в специально устроенных для них возвышениях в полу, в Ани сохранилось достаточно много, и они дают подтверждение тому, что эта система существовала в армянской культуре в почти неизменном виде

v Рис. 3. Северо-восточная стена помещения в Доме II с камином и двумя нишами. Фото автора. 2023

на протяжении столетий. Тониры открыты в помещениях на торговой улице, где наверняка располагались лавки пекарей (рис. 1), в богатых и бедных жилищах. Очевидно, что положение тонириров в доме зависело от количества комнат, степени состоятельности владельцев и периода в истории города. Их можно видеть как у входа в жилище, так и в специальных помещениях.

В ходе Анийской экспедиции 2023 года под руководством А. Ю. Казаряна был изучен большой богатый жилой комплекс, который турецкие археологи назвали Дом II [10] (рис. 2), расположенный в квартале напротив мечети Мануче. В нем четко выявляется помещение для приготовления пищи. Это прямоугольная комната площадью 48,4 м² со входом с восточного края южной стены. В ней обнаружены два тонира (рис. 3; 4). Один расположен ближе к двери, а второй, расположенный дальше, – на одной с ней линии. Диаметр выступаю-

^ Рис. 4. Схема плана помещения с камином и двумя тонирами в Доме II

^ Рис. 6. Парадное помещение с сохранившейся очажной чашей в Доме II. Фото автора. 2023

^ Рис. 7. Камин с тондирным возвышением. Фото автора. 2021

v Рис. 5. Арочное завершение ниши в помещении с камином и двумя тонирами в Доме II. Фото автора. 2023

щих из-под пола краев тониров колеблется в пределах 61–72 см.

Несмотря на то, что в ходе раскопок были выявлены некоторые позднейшие перестройки и закладки дверных проемов [6], основной остов дома, состоящий из хорошо обработанных и уложенных каменных блоков, видимо, не подвергался серьезным перестройкам. Сама кухня располагалась к северо-западу от главного входа и, судя по характеру окружающих ее помещений, здесь разместились непарадная, хозяйственная часть комплекса. Кухня сообщалась с небольшой узкой комнатой, располагавшейся восточнее, в которой тоже находились тониры и различные запасы. Это позволило выдвинуть предположение о том, что здесь могла быть устроена кладовая [6, с. 307].

Если сохранившиеся элементы интерьера не являются результатом позднейшей переделки и приспособления, то об утилитарном значении предполагаемой кухни свидетельствует вся видимая обстановка. Только полуразрушенные в настоящий момент две маленькие ниши, расположенные напротив входа в помещение, имели декоративное завершение. Сейчас одна из этих трехлопастных арок лежит на полу под нишами (рис. 5). Две большие ниши в перпендикулярной входному проему стене с камином имеют простую форму без декора. Камин, а точнее, его сохранившаяся часть, также не имеет никаких видимых следов декоративного убранства.

Подобные камины, которые мы уже упоминали выше, – это вторая разновидность очага, распространенного в Ани. Они были пристенными и, вероятно, представляли собой переходный вариант от простейшего очага к камину с прямым дымоходом. В их основании находилась круглая или чаще многогранная в плане очажная чаша, выполненная из цельного камня или из сложенных по кругу и хорошо подогнанных друг к другу каменных блоков, поднимавшихся от уровня пола на высоту около 60 см. Над этим очагом в стену встраивалась массивная плита из цельного камня с небольшим выступом перекрытия ниши. Во всех полностью сохранившихся образцах это перекрытие имеет стрельчатое завершение. Высота сохранившейся части такой плиты в исследованном нами помещении (завершение утрачено) равна примерно

< Рис. 8. Камин с
тондирным возвышением.
Фото автора. 2023

240 см, хотя на городище можно видеть и плиты несколько меньшей высоты.

Поскольку камины часто соседствовали с тонирами, размещаясь в непосредственной близости, можно думать, что эти виды очага имели подобные функции: использовались для приготовления пищи и/или обогрева. Упомянутый камин, находившийся наряду с двумя тонирами в кухне Дома II, является одним из таких примеров.

В этом же жилом комплексе раскрыты остатки еще одного камина, который встроен в стену помещения, располагавшегося в непосредственной близости от входа в него (рис. 6). К сожалению, он сохранился только на уровне очажной чаши, но археолог Б. Карамагарали, открывшая эту комнату, упоминает, что камин имел украшения [10, с. 132]. Само помещение было явно парадным. Сохранились остатки каменного фрагмента, непосредственно примыкающего к очажной чаше, с декором. Напротив стены с камином устроено каменное возвышение (около 50 м²), выложенное из хорошо обработанных и подогнанных плит. Таким образом, мы видим еще один вариант расположения каминов и тониров – в непосредственной близости от входной двери, в одном из парадных помещений дома.

Некоторые камины в Ани были лишены декора, подобно камину из кухни, описанной выше. Следы простого декора в виде кругов, расположенных по выступающему за плоскость стены наличнику каминной плиты, обнаружены в одном образце³ (рис. 7). Несколько сохранившихся каминов и один, известный только по фотографии Н. Я. Марра, имеют более сложный резной декор. Примером может служить образец из жилого квартала напротив мечети Мануче, располагавшийся у входа в жилой комплекс. Передняя часть его чаши украшена рельефной аркатурой из трех арок, начинающихся у основания и заканчивающихся у ее верха. По форме они повторяют арки надкаминной плиты и даже имеют незначительный выступ в верхней части стрелы подъема. Боковые грани чаши лишены декора, что свидетельствует о планировании углового расположения или, как видно на фотографии, плотного прилегания к возвышению с тониром (рис. 8). Наличник каминной плиты украшали полуколонки, обрамленные ленточным орнаментом в виде

метрически расположенных полукругов, разорванной частью обращенных во внутреннюю сторону. К сожалению, верхняя часть этой плиты утрачена.

Чаще очажная чаша оставалась не декорированной, а украшался только наличник плиты камина. Здесь встречается орнамент «сельджукской цепи» (рис. 9) или, как в опубликованной Н. Я. Марром фотографии [4, ил. 131], растительный орнамент.

В Ани мы также зафиксировали идентичную форму маленького размера (рис. 10). Объект неплохой сохранности был расположен в том же квартале напротив мечети Мануче. Это была встроенная в стену каменная плита без декора высотой менее 1 м. Очажная чаша отсутствует (утрачена?).

Все обнаруженные нами камины находились в стене с входным проемом и расположены с незначительным смещением от оси симметрии помещения (рис. 11). В некоторых случаях к очажной чаше с одной стороны плотно примыкало возвышение с тониром (рис. 7; 8; 9), и они располагались в непосредственной близости от входа с улицы.

Камины, как было показано, встречаются как в помещениях хозяйственного назначения, так и в явно парадных комнатах, а доступные для изучения материалы позволяют говорить о наличии в Ани каминов с декором и без него. Пока сложно сказать, означает ли это, что камины могли иметь разное назначение – условно парадное и утилитарное. Отметим, что некоторые каминные плиты, известные на данный момент, сохранились разрушенными, поэтому сказанное выше следует рассматривать как гипотезу, которая может быть уточнена в результате открытия раскопками новых фактов.

Камины, хоть и имевшие определенные отличия от анийских, но все же весьма близкие им по типу, были обнаружены Хорезмской археолого-этнографической экспедицией АН СССР. Если обобщить сведения из опубликованных работ, то можно сказать, что подобные очаги, открытые в Пенджикенте, Топрак-кале, Калалыгыре, Гяур-Кале и др., датируются эпохами Античности и Средневековья. Наряду с открытием нескольких вариантов очагов-ниш небольших размеров, которые имели хозяйственные функции, были обнару-

3. Скорее всего, этот мотив является наиболее древним из всех обнаруженных нами декорированных каминных плит. Он известен на Ближнем и Среднем Востоке еще в эпоху античности [12, рис. 74–75]. В данном случае декор из метрически расположенных кругов аналогично обрамляет стальные арочные проемы с полуциркульными и треугольными завершениями.

жены большие очаги – каминь, состоявшие из прямоугольного подиума для огня и ниши над ним. Эти каминь различались по своему архитектурному оформлению, но, несомненно, были однотипными устройствами. Их ниши, как правило, полукруглые, выполнены из сырца с выступающим из плоскости стены обрамлением или без такового. Они фланкировались двумя глиняными колоннами с фронтоном или оформлялись разными вариантами лепных жгутов [13, рис. 76; 83; 84], выкладывались из кирпичиков, незначительно выступающих за плоскость стены [14, рис. 8] и т. д. По высоте ниша обычно бывала не менее 1 м, но во дворцах могла достигать до 3,0–3,5 м. Высота очажного подиума перед ней в самых ранних зданиях (Калалыгыр 1, V – I V вв. до н. э.), доходившая до 1 м, со временем уменьшается [12, с. 170].

Исследователи первоначально называли эти каминь алтарями [12, с. 170–173]. В. Л. Воронина ввела термин «очаг-алтарь», подчеркивая тем самым их культовую

функцию [15]. В. И. Распопова отмечает по этому поводу, что такой очаг был главным почитаемым домашним очагом в Пенджикенте, у которого собиралась семья, но, исходя из анализа их расположения в жилищах, они могли иметь и обогревательную функцию [13, с. 154–155]. Ю. А. Рапопорт пишет, что «каминь» высокого дворца Топрак-калы – это алтари, предназначенные для установки каких-то переносных очагов с огнями. Он также соглашается с версией о том, что «пристенные алтари, целая серия которых обнаружена раскопками в Средней Азии, послужили прототипом мусульманских михрабов. Может быть, и само слово “михраб”, этимология которого до сих пор вызывает споры, как и его синоним у современных огнепоклонников *dare mehr*, восходит к имени великого иранского божества» [12, с. 170–173]. Эта гипотеза представляется весьма интересной для нашего исследования, поскольку каминь в Ани действительно очень походят на михрабы, которые, как известно, могли устраиваться в мусульманских домах [16]. Версия о том,

^ Рис. 9. Камин с тони́ром. Фото автора. 2023

что это могли быть михрабы, не выдвигается нами потому, что анийские каминь, как и хорезмские, имели разную ориентацию по сторонам света, а также очажную чашу, свидетельствующую о том, что они предназначались для огня. Последнее не отменяет вопроса об их культовом значении.

Так же, как и очаги-алтари Хорезма, каминь в Ани встречаются в жилых комнатах редко, что вызывает вопросы о том, как отапливалось большинство помещений больших домов. Например, в Доме I обнаружен всего один камин в комнате с тониром [5; 10; 26]. Подобный вопрос относительно средневекового Пенджикента поднимала В. Л. Воронина, обратившая внимание на аналогичное расположение очагов в исследуемом городе. Она пишет, что в большинстве жилых помещений нет следов очагов или огня, и считает, что в таком случае их отапливали переносными жаровнями, выполненными из разного материала, что подтверждают археологические находки [15]. На Армянском нагорье переносные очаги, судя по археологическим находкам, использовались с древнейших времен. Вероятно, вопросы отопления могли решаться в Ани также за счет устройства тониров, которые встречаются в помещениях чаще.

Если посмотреть на традиции размещения каминов в крестьянском жилище армян в Новое время, то можно провести некоторые параллели. Ряд авторов указывает, что на многих территориях переднеазиатского культурного ареала в сельской местности каминь появились довольно поздно, и в XIX в. они только входили в обиход [7]. Первоначально они располагались в сенях, недалеко от входной двери [9] и использовались прежде всего для приготовления пищи. Позже их стали устраивать в главной жилой комнате или комнате для гостей, которая появляется в сельской местности под влиянием городского жилища. В ней каминь также служили средством приготовления пищи и обогрева, но в первую очередь становились предметом украшения. Каминные плиты всегда украшались резьбой, но особенно большое значение этому хозяева стали придавать после того, как каминь переместились в парадные помещения дома [9, с. 83–84].

Интересен тот факт, что подобные каминь – оджах использовали крымские татары и располагались они в отапливаемой кухне-прихожей – аят. Исследовавший их жилище Б. А. Куфтин указывал, что подобный камин распространен в Турции, где имеет такое же название, и писал, что турки заимствовали его из греко-византийской культуры [17, с. 46]. Действительно, можно предполагать несколько источников их распространения на полуострове: греко-византийское наследие в Крыму, влияние культуры Османской империи. Эта традиция также могла быть перенесена переселенцами из Ани, значительное количество которых оказалось на полуострове в XIII в. Оджах – это и армянское название традиционно открытого очага, который был распространен наряду с тониром.

Все постройки Ани сохранились на уровне стен не выше 1,5–2 м, и непонятно, какая система дымоотвода использовалась в каминях. Никаких видимых следов вытяжной конструкции нет. Н. Я. Марр только единожды упоминает тонир как «глиняную печь с дымовой гончарной трубой», да и то в отношении позднего этапа существования Ани. К сожалению, археологи и в последующем не публиковали подробных сведений о вытяжных устройствах. Они лишь упоминают о них [10, с. 133]. Самыми подробными стали сведения, сообщенные Ю. Чорухлу [6] о том, что в кладовой Дома II обнаружены в хорошей сохранности дымоходы тониров в виде глиняных труб [6, с. 307–308].

Обращение к аналогам Центральной Азии показывает, что над очагами-алтарями устраивались вытяжки. В. И. Распопова пишет, что в Пенджикенте в ряде случаев в стене можно обнаружить «гнезда от консолей, на которые опирались деревянные конструкции колпака дымохода, обмазанные плотной глиняной штукатуркой», имевшего лепные украшения. Вместе с тем о существовании в средневековые в районе Ферганы и долины Зеравшана и отчасти др. регионах Центральной Азии очагов-ниш без дымохода сообщает В. Л. Воронина. Она отмечает, что у подобного рода ниш точное время появления дымоходов установить сложно [15, с. 92, рис. 5].

У армян, как и в других регионах Ближнего Востока, описанные исследователями в Новое время каминь, по сравнению с очагами Ани, имели более сложное устройство. К встроенной в стену плите добавлялся портал и тем самым перед очагом образовывалось каминное окно. Между плитой и порталом прокладывался дымоход. Основываясь на изучении более

в Рис. 10. Стена с двумя нишами. Фото автора. 2023

4. Согласно сведениям этнографов, в начале XX в. в сельских жилищах армян тониры, в зависимости от их расположения в структуре дома, могли топиться по-черному, и дым от них выходил через ердик (отверстие в перекрытии) или открытую дверь [9, с. 83–85].

5. Так камин называют многие народы Переднеазиатского региона.

поздних образцов и принципов устройства подобного рода каминов, можем выдвинуть такое предположение. Исходя из факта, что известные нам камины находились в непосредственной близости от входа в жилище или на кухне и ставились на одной линии с дверью, дым выходил именно через нее или специальное отверстие в перекрытии⁴. Б. Карамагарали отмечала, что в жилищах при сохранности стен на высоту около 2-х м, не было следов окон [10, с. 131]. Он предположил наличие узких высоких проемов или потолочного светового отверстия. Позже на территории Нового города им были обнаружены следы светового отверстия в перекрытии комнаты с тонирами [10; 11, с. 311].

Здесь также можно вспомнить, что в Крыму эти камины назывались оджах, как и в некоторых районах исторической Армении (например, Шираке), т. е. так же, как назывался открытый очаг, а в других – Зангезуре, Лори, Тавуше – бухазрик (бухари)⁵ – по названию дымохода [9, с. 84]. Возможно, это указывает на разное его

понимание людьми или на разные источники, из которых этот тип очага распространялся. В одном случае название закрепилось еще в ту пору, когда он не имел прямого дымохода, а во втором камин был воспринят именно как новшество, отличительной особенностью которого от простого очага как раз и стало устройство вытяжки.

Таким образом, исследование тониров и каминов позволяет говорить о том, что в Ани существовала дифференциация очагов и определилось их устойчивое расположение в структуре дома. В больших домах выделялось специальное помещение для приготовления пищи, которое спустя века называлось у армян тонратун [9]. Мы видим также устойчивую традицию расположения камин при входе в дом, которая наблюдалась и в Новое время у разных народов. У сельских армян он располагался в сенях – срах, а в городе – в комнате для гостей, примыкающей к сеням или навесу над входом [9], которую А. Т. Муратян называет «юрасеняк»,

^ Рис. 11. Помещение с камином. Фото автора. 2023

Можно предположить, что размещение камина поблизости от входа в дом в парадной части, открытой для посторонних, имело несколько смыслов. Здесь можно было готовить пищу или греть воду, обогревая при этом помещение. Также камин становился важным элементом интерьера, выявлявшим значение комнаты в структуре дома. Огонь всегда наделялся сакральным смыслом, являлся своего рода оберегом дома и имел очистительную силу. Армяне, например, считали, что духи семейно-азговых предков живут возле очага, а одним из мест обитания злых духов является порог дома [8, с. 40].

Изучение каминов в Ани может быть продолжено после новых раскрытий жилых помещений. Главные вопросы, которые сегодня остаются открытыми – это культовое значение подобных очагов и их наличие в анийских домах армян до арабского завоевания.

Литература

1. Казарян, А. Ю. К изучению архитектурного наследия Ани : Актуальная проблематика и публикации последних лет // Актуальные проблемы теории и истории искусства. – 2022. – Т. 12. – С. 110–122. – URL: <https://actual-art.spbu.ru/en/publications/archive/vol-12/byzantine-and-eastern-christian-art/10927.html> (дата обращения: 10.04.2024).
2. Баева, О. В., Казарян, А. Ю. Жилища средневекового города Ани. Историография и результаты исследований // Актуальные проблемы теории и истории искусства. – 2022. – Т. 12. – С. 123–134. – URL: <https://actual-art.spbu.ru/publikatsii/archive/vol-12/byzantine-and-eastern-christian-art/10928.html> (дата обращения: 10.04.2024).
3. Казарян, А. Ю., Кукина, Д. А., Медведева, М. В. Дело «о командировании Н. Я. Марра в Русскую Армению для производства там археологических розысканий». Первый опыт раскопок в Ани // Археологические вести. – 2022. – № 37. – С. 214–227.
4. Марр, Н. Я. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. – Ленинград; Москва : Гос. соц.-эк. изд-во, 1934. – 133 с. : ил.
5. Karamağaralı, B. 1992–1994 Ani Kazıları // XVII. Kazı sonuçları toplantısı. – Vol. II. – Ankara: T.C.Kültür Bakanlığı Milli Kütüphane Basımevi, 1996. – P. 493–519.
6. Çoruhlu, Y. Yeni Dönem Ani Kazıları 2006–2007 Çalışmaları // 30. Kazı sonuçları toplantısı. Cilt 2. – Ankara, 2009. – P. 301–327.
7. Лисициан, С. Д. Крестьянское жилище Мегринского района // Кавказский историко-археологический институт [КИАИ] (Тбилиси) в 1917 году. – Ленинград : Б. и., 1918. – Т. IV. – С. 119–140.
8. Харатян, З. В. Культурные мотивы семейных обычаев и обрядов у армян // Армянская этнография и фольклор : Материалы и исслед. – Ереван : Изд-во АН АрмССР. – Вып. 17. – 1989. – С. 7–60.
9. Муратян, А. Т. Интерьер армянского народного жилища (вторая половина XIX – нач. XX в.) // Армянская этнография и фольклор : Материалы и исслед. – Ереван : Изд-во АН АрмССР. – Вып. 17. – 1989. – С. 65–143.
10. Karamağaralı, B. The Discovery of two Medieval Houses in Ani // Erdem. – 1999. – Sayı 34. – P. 129–134. – URL: <https://erdem.gov.tr/tam-metin-pdf/444/eng> (дата обращения: 10.04.2024).
11. Karamağaralı, B. 2002 – 2003 Ani Kazıları // 26. Kazı sonuçları toplantısı. Cilt 2. – Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı Döşim Basımevi, 2005. – P. 311–319.
12. Топрак-кала : Дворец / Отв. ред. Ю. А. Рапопорт, Е. Е. Неразик. – Москва : Наука, 1984. – 303 с. : ил.
13. Распопова, В. И. Жилища Пенджикента : (Опыт ист.-социал. интерпретации) – Ленинград : Наука : Ленингр. отд-ние, 1990. – 204, [3] с. : ил.
14. Рапопорт, Ю. А., Трудневская, С. А. Городище Гяур-кала // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949–1953 / под ред. С. П. Толстова и Т. А. Жданко. – Москва : Изд-во АН СССР, 1958. – С. 347–367.
15. Воронина, В. Л. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии // Советская этнография. – 1963. – № 6. – С. 84–96.
16. Ходжатулла, Р. К. Становление и развертывание пространственной структуры традиционной мечети Ирана : Михраб. Айван. Купол : автореферат дис. ... кандидата архитектуры. – Москва, 2008. – 23 с.
17. Куфтин, Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова = La demeure des tatars de Crimée dans son rapport avec l'histoire de la colonisation de la presqu'île : (материалы и вопр.). – Москва, 1925. – 58 : ил.

References

- Baeva, O. V., & Kazaryan, A. Yu. (2022). Dwellings of the Medieval City of Ani. Historiography and Research Results. *Actual Problems of Theory and History of Art*, 12, 123–134. Retrieved April 10, 2024, from <https://actual-art.spbu.ru/publikatsii/archive/vol-12/byzantine-and-eastern-christian-art/10928.html>
- Çoruhlu, Y. (2009). Yeni Dönem Ani Kazıları 2006–2007 Çalışmaları. In 30. *Kazı sonuçları toplantısı. Cilt 2* (pp. 301–327). Ankara.
- Karamağaralı, B. (1996). 1992 – 1994 Ani Kazıları. In XVII. *Kazı sonuçları toplantısı* (Vol. II, pp. 493–519). Ankara: T.C.Kültür Bakanlığı Milli Kütüphane Basımevi.
- Karamağaralı, B. (1999). The Discovery of two Medieval Houses in Ani. *Erdem*, Sayı 34, 129–134. Retrieved April 10, 2024, from <https://erdem.gov.tr/tam-metin-pdf/444/eng>
- Karamağaralı, B. (2005). 2002 – 2003 Ani Kazıları. In 26. *Kazı sonuçları toplantısı* (Cilt 2, pp. 311–319). Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı Döşim Basımevi.
- Kazaryan, A. Yu. (2022). The Study of the Architectural Heritage of Ani: Current Issues and Recent Publications. *Actual Problems of Theory and History of Art*, 12, 110–122. Retrieved April 10, 2024, from <https://actual-art.spbu.ru/en/publications/archive/vol-12/byzantine-and-eastern-christian-art/10927.html>
- Kazaryan, A. Yu., Kukina, D. A., & Medvedeva, M. V. (2022). Records “on the N. Ya. Marr’s mission to Russian Armenia for carrying out archaeological researches there”. The first experience of excavations at Ani]. *Archaeological News*, 37, 214–227.
- Kharatyan, Z. V. (1989). Kultovye motivy semeynykh obychaev i obryadov u armyan [Cult motives of family customs and rituals among Armenians]. *Armyanskaya etnografiya i folklor: Materialy i issledovaniya*, 17, 7–60. Erevan: AN ArmSSR.
- Khodzhatulla, R. K. (2008). *Stanovlenie i razvertyvanie prostranstvennoy struktury traditsionnoy mecheti Irana: mikhraab. ayvan. kupol* [The formation and deployment of the spatial structure of the traditional mosque of Iran: mihraab. ivan. Dome] [Abstract of the architecture PhD dissertation]. Moscow.
- Kuftin, B. A. (1925). *Zhilishche krymskikh tatar v svyazi s istoriei zaseleniya poluostrova (Materialy i voprosy)* [Crimean Tatar dwellings in relation to the history of settlement of the peninsula (Materials and questions)]. Moscow.
- Lisitsian, S. D. (1918). Krestyanskoe zhilishche Megrinskogo rayona [Peasant dwelling of the Megrinsky district]. In *Kavkazskii istoriko-arkheologicheskii institute [KIAI] (Tbilisi) v 1917 godu* (Vol. IV, pp. 119–140).
- Marr, N. Ya. (1934). *Ani. Knizhnaya istoriya goroda i raskopki na meste gorodishcha* [Ani. Book history of the city and excavations at the site of the settlement]. Moscow; Leningrad: State Social-ec. publishing house.
- Muratyan, A. T. (1989). Interyer armyanskogo narodnogo zhilishcha (vtoraya polovina XIX—nach. XX v.) [The interior of the Armenian national dwelling (the second half of the XIX – early XX centuries)]. *Armyanskaya etnografiya i folklor: Materialy i issledovaniya*, 17, 65–143. Erevan: AN ArmSSR.
- Rapoport, Yu. A., & Nerazik E. E. (Eds.). (1984). *Toprak-kala. Dvorets* [Toprak-Kala. Castle]. Moscow: Nauka.
- Rapoport, Yu. A., & Trudnevskaya, S. A. (1958). Gorodishche Gyaour-kala [The settlement of Gyaour-kala]. In S. P. Tolstova & T. A. Zhdanko (Eds.), *Arkheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoy ekspeditsii 1949–1953* (pp. 347–367). Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Raspopova, V. I. (1990). *Zhilishcha Pendzhikenta (opyt istoriko-sotsialnoy interpretatsii)* [Penjikent’s dwellings (the experience of historical and social interpretation)]. Leningrad: Nauka: Leningradskoe otdeleniye.
- Voronina, V. L. (1963). Cherty rannesrednevekovogo zhilishcha Sredney Azii [Features of the early medieval dwelling of Central Asia]. *Sovetskaya etnografiya*, 6, 84–96.